

УДК 130.2

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-2-312-317

**ЕВХАРИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЕДИНСТВА ЦЕРКВИ
И КРИТИКА АБСОЛЮТИЗАЦИИ
ЕЕ ИЕРАРХИЧЕСКИ-КАНОНИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА**

**THE EUCHARISTIC ASPECT OF THE UNITY OF THE CHURCH
AND THE CRITICISM OF THE ABSOLUTIZATION
OF ITS HIERARCHICAL-CANONICAL PRINCIPLE OF UNITY**

**А.Б. Кагарлыкский
A.B. Kagarlykshi**

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7

State Institute of arts and culture,
7 Koroleva St, Belgorod, 308033, Russia

E-mail: fin@bgiik.ru

Аннотация

Практическую реализацию положений универсальной эkkлeзиологии мы можем наблюдать до сего времени. И сегодня местная Церковь настолько может считаться Церковью истинной, то есть католической, насколько Ее предстоятель находится в согласии со всем епископатом. В православной Церкви это выражается в подчинении епископов главе автокефальной Церкви и общении глав поместных Церквей между собой. Для Католицизма таким необходимым моментом является единство епископа с папским престолом. Таким образом, единство Церкви осуществляется через единство епископата. Это положение может быть дополнено аргументом прот. Николая Афанасьева, который состоит в том, что полнота Церкви, которая присутствует в каждой общине, проистекает из полноты присутствия Христа в Евхаристии.

Abstract

We can observe the practical implementation of the provisions of universal ecclesiology to this day. And today, the local Church can be considered as true by the Church, that is, catholic, as far as Her primate is in agreement with the entire episcopate. In the Orthodox Church, this is expressed in the subordination of the bishops to the head of the autocephalous Church and the communion of the heads of the local Churches among themselves. For Catholicism, such a necessary moment is the unity of the bishop with the papal throne. Thus, the unity of the Church is realized through the unity of the episcopate. This provision can be supplemented by the argument of prot. Nikolai Afanasyev, who consists in the fact that the fullness of the Church, which is present in each community, results from the full presence of Christ in the Eucharist.

Ключевые слова: Церковь, Евхаристия, единство, множественность, канон.

Keywords: Church, Eucharist, unity, plurality, canon.

В эпоху катаклизмов XX века, когда Церковь во многом утрачивает свои исторически сложившиеся культурно-бытовые, а иногда и национальные формы, с особенной глубиной, как нечто в Церкви непреходящее, переживается тайна ее евхаристического собрания. В это время появляется своеобразная «евхаристическая эkkлeзиология», в свете которой делается попытка осмыслить богословскую проблематику Церкви в целом и вопрос ее единства в частности.

Самое яркое выражение Евхаристическая экклезиология получила в трудах протопресвиера Николая Афанасьева. Возникновение многих экклезиологических вопросов он объяснял наличием двух различных пониманий церковного единства. Первое сформулировано в третьем веке по Рождестве Христовом священномучеником Киприаном Карфагенским, второе строится на посланиях святого Игнатия Богоносца. По мнению Афанасьева, более позднее учение Киприана вытеснило ранее господствовавшее понимание, идущее от времени самого основания Церкви. По сути дела, речь идет о двух экклезиологиях. Первую, основывающуюся на положениях Киприана, Афанасьев называл универсальной и указывал, что на данный момент она является общепринятой богословской парадигмой. Ей отец Николай противопоставлял, на его взгляд, более соответствующую истинно-христианскому пониманию Церкви евхаристическую экклезиологию.

Чтобы выяснить суть воззрений протопресвитера Николая Афанасьева на единство Церкви, мы проанализируем его видение «универсальной» модель единства Церкви, а также критические замечания, выдвигаемые против нее. Затем мы рассмотрим основные положения, касающиеся вопроса Единства Церкви в выдвинутой им евхаристической экклезиологии.

Смысл положенного в основание универсальной экклезиологии учения Киприана Карфагенского о церковном единстве можно выразить так: единая Христова Церковь, мистическое тело Христа, в эмпирическом аспекте своего существования разделена на отдельные церкви – церковные общины. По мысли Афанасьева, такое понимание вселенской церкви возникло под влиянием слов ап. Павла, обращенных к Коринфянам: «Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Эллина, рабы или свободные, и все напоены одним Духом... И вы тело Христово, а порознь члены» (1 Кор. 12, 12, 13, 27). В учении Киприана происходит следующее: то, что было сказано ап. Павлом об отдельных членах церковных общин, перенесено было на целые церковные общины. Однако, Афанасьев видит здесь богословскую неточность: «для Киприана вселенская церковь, как единое тело Христово, а, следовательно, как целое, существует ранее своих частей – отдельных церковных общин, тем не менее, при его понимании вселенской церкви первично должна восприниматься не целость и единство вселенской церкви, а её отдельные члены» [Афанасьев, 1934, с. 18]. В этом, по его мнению, заключается основной недостаток перенесения учения ап. Павла об отдельных членах церкви на целые церковные общины. При перенесении учения на вселенскую церковь каждая отдельная церковная община представляется как отдельный член тела Христова, а вселенская церковь есть совокупность этих отдельных церковных общин. Это представляется Афанасьеву совершенно не допустимым. «Ап. Павел излагал коринфянам свое учение о церкви, как о теле Христовом, он имел в виду утвердить среди них сознание единства церкви и прекратить разделение, а Киприан своим учением о вселенской единой церкви как бы утверждал разделение. «Разве разделился Христос – *divisus est Christus?*» (1 Кор. 1, 13), спрашивал апостол. «*In multa membra divisa est*» – отвечал Киприан» [Афанасьев, 1934, с. 17].

Отец Николай считает, что перенесение образа единства Церкви как Тела на Универсальную Церковь не совсем обоснованно. Апостол Павел со своим учением о единстве Церкви как тела Христова обращается, прежде всего, к конкретной Евхаристической общине и, прежде всего ее и имеет в виду. «В момент евхаристического приношения церковная община действительно реально воспринимает себя, как единое целое, как живое единое Христово... В Евхаристии происходит действительное соприкосновение и соединение мистического и эмпирического единства церкви. «Один хлеб, и мы многие, ибо все мы причащаемся от одного хлеба» (1 Кор. 10, 12). Евхаристическое собрание есть целостное единство, не разделяемое и не рассекаемое». Если же перенести понимание Единства Тела на Церковь Универсальную, то, по мнению Афанасьева, теряется важнейший момент

непосредственного единства в одном евхаристическом собрании. Ведь эмпирического, конкретного евхаристического собрания Вселенской Универсальной Церкви быть не может, и это, до некоторой степени, ослабляет проявление церковного единства.

Церковь, несомненно, представляется единой, но это единство скорее переносится в довольно «абстрактную» область универсальности. В универсальной экклезиологии Церковь предстает организмом вселенского масштаба, объемлющим все существующие местные церкви. И именно к ней относятся все атрибуты Церкви: святость, единство, кафоличность, апостольство. При этом, «местные церкви, как части Церкви универсальной, не обладают сами этими атрибутами; они обладают ими только через церковь универсальную, при условии, что они являются частью ее» [Афанасьев, 1999, с. 36]. Афанасьев обращает наше внимание на то, что, хотя эмпирически нам даны конкретные церковные общины, но они теряют абсолютность сами по себе, они не могут уже быть кафолическими, обладающими всей полнотой, так как такой может быть только Церковь Вселенская.

В рамках такого понимания Церковь представляется Афанасьеву до некоторой степени собранной из частей. «Киприан говорил о *conexa et ubique coniuncta unitas catholicae ecclesiae*; то есть о связанном и соединенном единстве кафолической Церкви. Отдельные части этой Церкви связаны (*conexa*) как ветки единого дерева или соединены (*coniuncta*) как простые слова, образующие сложное слово. По другому выражению Киприана, местные церкви в совокупности образуют *comrago corporis ecclesiastici*, или соборное единство Тела Церкви, подобное союзу души и тела человека. Можно сказать, что эмпирическая совокупность, соборное единство, (*comrago*), является телом кафолической Церкви» [Afanassieff, 1992].

Как мы видим в системе универсальной экклезиологии, Церковь эмпирически является как множество частей и при этом мистически остается единой. Но необходимо найти видимую структуру единства, определить критерий, который указывал бы, кто принадлежит к единству церкви, а кто нет. Местные Церкви, будучи лишь частью универсальной церкви, не могут содержать в себе принципа единства Церкви. Чтобы части универсальной церкви не распались в эмпирической действительности, принцип их единства должен находиться не в них, а в их целом, т. е. в самой универсальной церкви, которая содержит эти части. Эту роль в экклезиологии Киприана, т.е. универсальной по терминологии Афанасьева, играет епископат, точнее его единство. «Епископ является признаком принадлежности местной церкви к "кафолика", но епископ не сам по себе, а как часть согласной множественности епископов. Именно через него местная церковь, которая ему поручена, состоит в кафолической Церкви. Епископат, в свою очередь, является эмпирическим признаком "кафолика"... Границы этого замкнутого целого очерчиваются епископатом, и вне этих границ Церкви нет. С другой стороны, границы местной церкви определяются властью епископа. К местной церкви принадлежат только те, кто с епископом, то есть те, кто в его власти. Эту мысль Киприан с предельной ясностью выразил в своей формуле: "Епископ в Церкви, а Церковь в епископе; кто не с епископом, тот вне Церкви"» [Afanassieff, 1992]. Анализируя данные положения, можно видеть, что если мистическое единство Церкви выступает перед нами довольно абстрактно, то, напротив, единство епископата проявляется вполне реально. Афанасьев даже отмечает, что единство епископата выступает даже яснее, чем природа единства Церкви.

Учение о единстве епископата у Киприана строится почти так же, как и учение о единстве Церкви: «Церковь одна, так как Бог один, Христос один, и вера одна». Епископат един, потому что, «одна кафедра Петра», «Есть только один Бог, один Христос, одна Церковь, одна кафедра, которую слово Божие основало на Петре». Причем, по учению Киприана, кафедру Петра занимает весь епископат, так что каждый епископ является преемником Петра, но только постольку, поскольку он входит и является частью епископата. Мысль Киприана можно передать следующим образом: деление кафолической Церкви на церкви местные – результат распространения в эмпирической жизни единого епископата в виде множества епископов. Каждый епископ отдельно председательствует в своей мест-

ной церкви, но все епископы обладают кафедрой Петра совместно. «Каждый епископ... получает непосредственно от ап. Петра всю полноту иерархической власти. В своей общине он стоит на месте Христа, *vice Christi*, а потому нет и над ним другой власти, от которой он бы зависел. Он – средоточие церковной общины, он – эмпирическое выявление своей церкви, через него, как члена согласной множественности, его община становится членом единой вселенской церкви, и наоборот, через свою общину, как члена Христова тела, он – епископ – становится членом епископата. Это именно то, что Киприан хотел выразить своей знаменитой формулой: «Церковь в епископе и епископ в Церкви». Учение Киприана об епископате дополняет его учение о вселенской церкви: согласная множественность – *consors numerositas* – рассыпанного по целому миру епископата выявляет согласное соединение вселенской Церкви, т. е. *comrago* (составление, сбор) церковного тела осуществляется через епископат» [Афанасьев, 1934, с. 19]. И при этом, хоть в идеальном порядке, единство епископата и вытекает из единства Церкви, но в действительности, скорее, единство епископата хранит единство местных церквей, так как согласие между епископами связывает, или даже спаивает, церкви между собою.

При такой роли, которую играет епископат, огромное значение выполняет его внутренне единство между собой. Разрыв единства епископата, с точки зрения универсальной экклезиологии, является тождественным разрыву церковного единства. «В онтологическом единстве епископата не может быть несогласия, т. к. каждый его отдельный член совместно с другими обладает общей для всех кафедрой. Общее владение исключает несогласие и исключает несогласного члена, который с момента несогласия перестает иметь часть в епископате, а, следовательно, согласие епископата и его единство остается ненарушенным. Отдаление того или иного епископа от согласной множественности епископов влекло за собой отпадение его местной церкви от церкви универсальной» [Афанасьев, 1934, с. 5].

Универсальной экклезиологии отец Николай противопоставляет другую экклезиологию, а именно евхаристическую. Радикальное различие между ними заключается в том, что все атрибуты Церкви: Единство, Святость, Соборность, Апостоличность – не Церкви вообще, Универсальной, а конкретной местной Церкви. Именно в евхаристическом собрании конкретной местной общины Церковь и являет себя как Тело Христово. При этом главным моментом единства Церкви опять же становится Евхаристия. К Церковному единству можно принадлежать, только участвуя в конкретном собрании. Этот принцип так формулируется отцом Николаем Афанасьевым: «Церковь пребывает там, где имеется евхаристическое собрание... где Евхаристия, там Церковь Божия, а где Церковь Божия, там Евхаристия. Отсюда следует, что отличительным эмпирическим признаком Церкви является евхаристическое собрание. К местной церкви принадлежат те, кто участвует в ее евхаристическом собрании. Таким образом, эмпирически границы Церкви определяются границами евхаристического собрания» [Афанасьев, 1934, с. 6]. Это, по мнению Афанасьева, подтверждается и данными из истории века апостольского, он обращает внимание на то, что в древности в каждой местной церкви было только одно евхаристическое собрание.

Евхаристия, выступающая в качестве основного критерия церковного единства, одновременно является показателем живой принадлежности к Церкви. В древнехристианской общине, еще не отошедшей от евхаристической экклезиологии она являлась центром жизни. Для участия в Евхаристии, Господней Трапезе, осуществлялся прием в Церковь новых членов. В контексте Евхаристии происходило поставление на конкретное служение в Церкви, а отлучение недостойных Церкви членов относилось, прежде всего, к прекращению евхаристического общения с ними [Афанасьев, 1994, с. 143–145]. Евхаристический критерий принадлежности к церковному единству отличается еще и тем, что он имеет конкретный характер. «Первоначальная и древняя Церковь не знала абсолютной принадлежности к Церкви, а только конкретную принадлежность к ней через одну какую-нибудь местную церковь... нельзя состоять в Церкви без определенной принадлежности к

одной определенной местной церкви и участия в одном определенном евхаристическом собрании. Это конкретная принадлежность есть подлинная принадлежность к единой Церкви Божией» [Афанасьев, 2004, с. 232].

Действительность такой конкретной принадлежности к Церкви Божией посредством евхаристического собрания проистекает из следующего положения: каждая местная церковь, которая живет Евхаристическим собранием, есть проявление единой Церкви Божией. «Как Тело Христово, Церковь во всей полноте проявляется в евхаристическом собрании каждой местной церкви, т. к. в Евхаристии Христос присутствует в полноте Своего Тела. Поэтому каждая местная церковь имеет всю полноту Церкви, т. е. она есть Церковь Божия во Христе» [Афанасьев, 2004, с. 6].

Таким образом, аргумент Афанасьева состоит в том, что полнота Церкви, которая присутствует в каждой общине, проистекает из полноты присутствия Христа в Евхаристии. «Как в евхаристической жертве пребывает весь Христос, так в каждой церковной общине есть вся полнота Христова Тела» [Афанасьев, 1934, с. 25]. То есть свойство полноты (кафоличности) сообщается Церкви не только согласием епископата, как в рамках универсальной экклесиологии, а не чем иным, как присутствием Христа в Евхаристии. Об этом говорит Игнатий Антиохийский в послании к Смирнянам: «где бы ни был Иисус Христос, там вселенская (кафолическая) Церковь (Ignat. ad Smyrn. 8,2)» [Афанасьев, 1934, с. 25].

Из особого понимания образа единства Церкви проистекает и еще одно важное для понимания сути экклесиологических воззрений прот. Николая Афанасьева положение. Поскольку каждая община была едина вокруг Евхаристии, постольку она независима и автономна, так как она не зависела ни от какой другой общины или епископа вне нее. Это обосновывается тем, что над евхаристическим собранием не может быть никакой другой высшей власти, поскольку в евхаристии, которая приносится в Церкви, в полноте присутствует Христос, а над ним не может быть власти [Afanassieff, 1992, с. 109]. Через перемещение внимания на таинство Евхаристии, совершаемое в конкретной общине, экклесиология отца Николая Афанасьева в противовес юридическому и иерархичному пониманию Церкви, ставит акценты на «харизматическую, сакраментальную и общинную природу Церкви» [Кисилевич, 2004, с. 43].

Список литературы

References

1. Афанасьев Н. 1994. Церковь Духа Святого. Рига, 329.
Afanasyev N. 1994. Church of the Holy Spirit. Riga, 329. (in Russian)
2. Афанасьев Н. 2004. Вступление в Церковь. В кн.: Шмеман А. Водой и Духом. М. ПСТГУ, 232.
Afanasyev N. 2004. Joining the Church. V kn.: Schmemmann A. Water and Spirit. M. PSTU, 232. (in Russian)
3. Афанасьев Н. 1934. Две идеи Вселенской Церкви. Путь. 45 (октябрь), 16-29.
Afanasyev N. 1934. Two Ideas of the Universal Church. Way. 45 (October), 16-29. (in Russian)
4. Афанасьев Н. 1999. Una Sancta. Православная община. 1 (49), 36.
Afanasyev N. 1999. Una Sancta. Orthodox community. 1 (49), 36. (in Russian)
5. Зернов Н. Карташев А. 1996. Церковь. История. Россия. М., 6-12.
Zernov N. Kartashev A. 1996. The Church. Story. Russia. M., 6-12. (in Russian)
6. Карташев А.В. 1996. Соединение Церквей в свете истории. Церковь. История. Россия. М., 271-302.
Kartashev A.V. 1996. The Union of Churches in the light of history. Church. Story. Russia. M., 271-302. (in Russian)
7. Кисилевич І. 2004. Концепція Евхаристійної еклесіології у богословській спадщині Миколи Афанасьєва (1893-1966). Дипломна робота. УКУ. Львів. 43.
Kisilevich I. 2004. Conception of the Eucharistic Ecclesiology in the Theological Heritage of Mykola Afanasyev (1893-1966). Graduate work. UCU The audience 43. (in Ukrainian)

8. Лосский В. 2000. Кафолическое сознание. Богословие и боговидение. М. Свято-Владимирское Братство, 631.

Lossky V. 2000. Catholic consciousness. Theology and divine vision. M. St. Vladimir Brotherhood, 631. (in Russian)

9. Лосский В.Н. 2000. О третьем свойстве Церкви. Богословие и боговидение, М.: 545-558.

Lossky V.N. 2000. On the third property of the Church. Theology and divine vision, M.: 545-558. (in Russian)

10. Мейндорф Иоанн. 1972. Прот. Кафоличность Церкви. Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. Париж, 249-261.

Meindorf John. 1972. PROT. The catholicity of the Church. Bulletin of the Russian West European Patriarchal Exarchate. Paris, 249-261. (in Russian)

11. Afanassieff N. 1992. The Church which Presides in Love. The Primacy of Peter. New York, 91-143.

Ссылка для цитирования статьи Reference to article

Кагарлыкский А.Б. 2019. Евхаристический аспект единства церкви и критика абсолютизации ее иерархически-канонического принципа единства. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (2): 312–317. DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-312-317

Kagarlykiski A.B. 2019. The eucharistic aspect of the unity of the church and the criticism of the absolutization of its hierarchical-canonical principle of unity. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Lawseries. 44 (2): 312–317. (in Russian). DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-312-317